

ВОСПОМИНАНИЯ О НЕКРАСОВЕ

Мы приехали в Петербург в мае 1853 <года>, Оленька и я¹. Денег у нас было мало. Я должен был искать работы. Довольно скоро я был рекомендован А. А. Краевскому одним из второстепенных тогдашних литераторов, моим не близким, но давним знакомым. Краевский стал давать мне работу в "Отечественных записках", сколько мог, не отнимая работы у своих постоянных сотрудников. Это было очень мало. Я должен был искать работы и в другом из двух тогдашних хороших журналов, в "Современнике". Редактором его был, как печаталось на заглавных листах, Панаев. Я думал, что это и на деле так. Несколько месяцев прошло прежде, чем я нашел случай попросить работы у Панаева, которого видел у одного из людей, знавших меня по университетским моим занятиям. Панаев сказал, чтобы я пришел к нему, он даст мне какую-нибудь маленькую работу для пробы, гожусь ли я в сотрудники "Современнику". Пусть я приду завтра утром. Я пришел. Он сказал, что приготовил обещанную работу, дал мне две или три книги для разбора и пригласил меня не уходить тотчас же, посидеть, поговорить. Книги были неважные, не стоившие длинных статей. Я принес Панаеву мои рецензии скоро; если не ошибаюсь, на другое же утро. Он сказал, что к утру завтра он прочтет их; пусть я приду завтра утром, он скажет мне, гожусь ли я работать в "Современнике", и опять пригласил посидеть, поговорить. На следующее утро я пришел. Он сказал, что я гожусь работать и он будет давать мне работу; опять пригласил меня посидеть, поговорить.

Через несколько времени, - через полчаса, быть может, - вошел в комнату мужчина, еще молодой, но будто дряхлый, опустившийся плечами. Он был в халате. Я понял, что это Некрасов (я знал, что он живет в одной квартире с Панаевым). Я тогда уж привык считать Некрасова великим поэтом и, как поэта, любить его. О том, что он человек больной, я не знал. Меня поразило увидеть его таким больным, хилым. Он, мимоходом, поклонившись мне в ответ на мой поклон, и оставляя после того меня без внимания, подошел к Панаеву и начал: "Панаев, я пришел..." спросить о какой-то рукописи или корректуре, прочел ли ее Панаев или что-то подобное, деловое; лишь послышались первые звуки его голоса: "Панаев..." - я был поражен и опечален еще больше первого впечатления, произведенного хилым видом вошедшего: голос его был слабый шепот, еле слышный мне, хоть я сидел в двух шагах от Панаева, подле которого он стал. Переговорив о деле, по которому зашел к Панаеву - это была минута или две, - он повернул, - не к двери, а вдоль комнаты, не уйти, а ходить, начиная в то же время какой-то вопрос Панаеву о каком-то знакомом; что-то вроде того, видел ли вчера вечером Панаев этого человека, и если видел, то о чем они потолковали; не слышал ли Панаев от своего знакомого каких-нибудь новостей. Кончив вопрос, он начал отдаляться от кресла Панаева. Панаев отвечал на его вопрос: "Да. Но вот, прежде познакомься: это - "... он назвал мою фамилию. Некрасов, шедший вдоль комнаты по направлению от нас, повернулся лицом ко мне, не останавливаясь, сказал своим шепотом "Здравствуйте" и продолжал идти. Панаев начал рассказывать ему то, о чем был спрошен. Он ходил по комнате. Временами предлагал Панаеву новые вопросы, пользуясь для этого минутами, когда приближался к его креслу, и продолжал ходить по комнате. После впечатлений, произведенных на меня его хилым видом и слабостью его голоса, меня, разумеется, уже не поражало то, что ходит он медленными, слабыми шагами, опустившись всем станом, как дряхлый старик. Это длилось четверть часа, быть может. В его вопросах не было ничего, относившегося ко мне. Спросив и дослушав обо всем, о чем хотел слышать, он, когда Панаев кончил последний ответ, молча пошел к двери, не подходя к ней, сделал шаг два к той стороне - дальше двери, - где сидели Панаев и я, и, приблизившись к моему креслу (против кресла Панаева) настолько, чтоб я мог ясно расслышать его шепот, сказал: "Пойдем ко мне". Я встал, пошел за ним. Прошедши дверь, он остановился; я понял: он поджидает, чтобы я поравнялся с ним; и поравнялся. И шли мы рядом. Но он молчал. Молча прошли мы в его кабинет, молча шли ло кабинету, направляясь там к креслам. Подошедши рядом со мною к ним, он сказал: "Садитесь". Я сел. Он остался стоять перед креслами и сказал: "Зачем вы обратились к Панаеву, а не ко мне? Через это у вас пропало два дня. Он только вчера вечером, отдавая ваши рецензии, сказал мне, что вот есть молодой человек, быть может, пригодный для сотрудничества. Вы, должно быть, не знали, что на деле редактируется журнал

мною, а не им?" - "Да, я не знал". - "Он добрый человек, потому обращайтесь с ним, как следует с добрым человеком; не обижайте его; но дела с ним вы не будете иметь; вы будете иметь дело только со мною. Вы, должно быть, не любите разговоров о том, что вы пишете, и вообще о том, что относится к вам? Мне показалось, вы из тех людей, которые не любят этого". - "Да, я такой". - "Панаев говорил, вы беден, и говорил, вы в Петербурге уже несколько месяцев; как же это потеряли вы столько времени? Вам было надобно тотчас позаботиться приобрести работу в "Современнике". Вы, должно быть, не умеете устраивать свои дела?" - "Не умею". - "Жаль, что вы пропустили столько времени. Если бы вы познакомились со мною пораньше, хоть месяцем раньше, вам не пришлось бы нуждаться. Тогда у меня еще были деньги. Теперь нет. Последние свободные девятьсот рублей, остававшиеся у меня, я отдал две недели тому назад ****". - Он назвал фамилию сотрудника, которому отдал деньги. "Он" - этот сотрудник - "мог бы подождать, он человек не бедный. Притом часть денег он взял вперед. Вы не можете ждать деньги за работу, вам надобно получать без промедления. Потому я буду давать вам на каждый месяц лишь столько работы, сколько наберется у меня денег для вас. Это будет немного. Впрочем, до времени подписки недалеко. Тогда будете работать для "Современника", сколько будете успевать. Пойдем ходить по комнате". Я встал, и мы пошли ходить по комнате.

Этому началу первого моего разговора с Некрасовым теперь двадцать девять лет². Разумеется, я не могу ручаться, что помню слово в слово то, что говорил он в эти две, три первые, навсегда установившие мои отношения к нему, минуты, пока я сидел, а он оставался стоять. Но смысл и тон был тот самый, это прошу считать достоверным.

Мы стали ходить по комнате. Он говорил мне о денежном положении "Современника"; само собою разумеется, чистейшую правду, безо всякой утрировки. (Я в довольно скором времени стал сам знать денежные дела журнала и тогда мог судить, верное ли понятие давал мне о них Некрасов в этом разговоре.) Существенные черты тогдашнего положения "Современника" были: он обременен большими долгами за прежние годы издания. (Не умею теперь с точностью припомнить, какой цифры достигали они тогда, около конца осени 1853 (года), быть может, не очень ошибаюсь, думая, будто мне помнится, что сумма долгов за прежние годы была около 25 000.) Расходы по изданию едва покрываются с году на год подпискою; да и то лишь при помощи кредита: те из расходов, которые имеют коммерческий характер, производятся в долг, с уплатою из подписки следующего года; главный кредитор - Прац (хозяин типографии, в которой печатался тогда "Современник"), Он человек с хорошим состоянием, много денег лежит у него в запасе, вне оборотов; потому он охотно терпит отсрочку уплаты долгов за прежние годы с году на год и отсрочку уплат за каждый текущий год до новой подписки. И он не алчный человек, не ростовщик; проценты берет не грабительские. Но цены работ в его типографии много выше, чем в других; это очень убыточно. Он берет дороже других типографщиков не понапрасну: работа у него исправнее и изящнее. Но эти преимущества работы важны лишь для печатания изящных, роскошных изданий, например; книг с хорошими рисунками и на дорогой бумаге. А в журнале, печатающемся торопливо, на обыкновенной бумаге, разница мало заметна и не важна для публики. Потому печатание журнала у Праца имеет результатом совершенно лишней расход в несколько тысяч рублей. (Если не ошибаюсь, тысячи четыре рублей в год.) Следовало бы перенести печатание журнала в другую, менее дорогую типографию. Но до сих пор не было возможности сделать этого, потому что журнал связан с типографиею Праца долгами ее хозяину. - И так далее, и так далее, с этою же точностью вел Некрасов подробный рассказ и обо всех других сторонах денежного положения журнала. Вполне ознакомив меня с денежными делами "Современника", он перешел к рассказу о своих денежных отношениях к журналу. Хозяин, и по совету, и по деловому расчету, не он один; Панаев имеет на журнал равные с ним денежные права. А Панаеву нечем жить, кроме получения денег из кассы "Современника". Он легкомысленный ветреник, любит сорить деньги. "Я держу его в руках; много растратить нельзя ему: я смотрю за ним строго. Но за всякою мелочью не усмотришь; кое-что он успевает захватить из кассы без моего позволения; это он таскает из кассы на свои легкомысленные удовольствия³. А надобно же нам с ним и жить прилично: беллетристы любят хорошие обеды; любят, чтобы вообще было им приволье и комфорт в квартире редактора. Без того они отстанут от сотрудничества. Поддерживать приятельство с ними стоит очень дорого, потому что для этого надобно жить довольно широко. Но это расход, необходимый для поддержания журнала", -- и так далее, обо всем, относящемся к личным расходам Панаева и его самого, и обо всем, тому подобном. "Сам я не в тягость кассе журнала. Когда у меня нет своих денег, я беру деньги из нее или занимаю, делая заем иногда как заем журнала у книгопродавцов, в магазинах которых его конторы; в особенности у

Базунова" (контора "Современника" и в Москве была тогда при магазине Базунова). "Вообще, я расходу и деньги подписки, и займы журнала, как хочу, на свои надобности. Но у меня бывают временами свои деньги; я из них употребляю на расходы журнала, сколько считаю возможным, а свои заимствования из его кассы уплачиваю всегда все. Не скажу вам, что вовсе не беру никакой доли из его доходов, в вознаграждение себе за редакторский труд. Но думаю, что это меньше, чем те деньги, которые расходу на журнальные надобности из моих собственных денег. Видите ли, я играю в карты; веду большую игру. В коммерческие игры я играю очень хорошо, так что вообще остаюсь в выигрыше. И пока играю только в коммерческие игры, у меня увеличиваются деньги. В это время я и употребляю много на надобности журнала. Но - не могу долго выдержать рассудительности в игре; следовало бы играть постоянно только в коммерческие игры; и у меня теперь были б уж очень порядочные деньги. Но как наберется у меня столько, чтоб можно было начать играть в банк, не могу удержаться: бросаю коммерческие игры и начинаю играть в банк. Это несколько раз в год. Каждый раз проигрываю все, с чем начал игру. Остаюсь ни с чем и принужден брать деньги из кассы журнала или у его кредиторов, чтоб опять поправиться" {После, когда возобновлял он разговор о том, что, как начнет играть в банк, непременно проигрывается, я стал объяснять ему, почему это неизбежно должно всегда бывать так: он тогда понтировал; а по условиям игры в банк понтер, в общей сложности длинного ряда ставок, необходимо проигрывает. Он не подозревал, что это так по самым условиям игры, воображал, подобно почти всем игрокам, что произвольность определения величины ставок дает понтеру преимущества, более чем уравновешивающие те шансы выгоды, которые в пользу банкира. Он только дивился, что он, понтер, всегда остается проигравшимся, и лишь смутно мечтал, что хорошо бы ему приобрести возможность держать банк, потому что банкир, по какому-то странному ходу оборотов игры, вообще, должно быть, больше выигрывает, чем проигрывает.}. Он продолжал говорить, объясняя мне, какие расчеты и надежды можно иметь в денежном отношении на "Современник" и на него, и заключил свое всестороннее, точное объяснение всего выводом совета мне:

"Вы видите, в каком положении наши дела. Они очень плохи; и нет вероятности надеяться, чтоб они улучшились. Время становится год от году тяжелее для литературы, и подписка на журналы не может расти при таком состоянии литературы. А без увеличения подписки "Современник" не может долго удержаться; наши долги в эти годы хоть не быстро, но росли. Чем это кончится? Падением журнала. И кем держится пока журнал? Только мною. А вы видите, каков я. Могу ли я прожить долго? Панаев говорил, вы уж работаете для Краевского. Он враг нам, то есть мне. Панаева он понимает правильно и потому не имеет вражды к нему. Когда он увидит, что вы полезный сотрудник, он не потерпит, чтобы вы работали для нас и для него вместе. Он потребует, чтобы вы сделали выбор между ним и нами. Он человек в денежном отношении надежный. Держитесь его. Но пока можно, вы должны работать и для меня. Это надобно и для того, чтобы Краевский стал дорожить вами. Он руководится в своих мнениях о писателях моими мнениями. Когда он увидит, что я считаю вас полезным сотрудником, он станет дорожить вашим сотрудничеством. Когда он потребует выбора, вы сделаете выбор, как найдете лучшим для вас. А пока я буду - я уж говорил - до новой подписки буду давать вам на каждый месяц столько работы, сколько будет у меня денег дать вам. Начнется подписка, вы будете писать для меня столько, сколько будете успевать писать". После этого он повел разговор о том, какой состав будет иметь книжка "Современника" на следующий месяц, и соображать, какую работу и сколько работы для этой книжки даст он мне. ^f

Таково было начало моего знакомства с Некрасовым, и таков был первый его разговор со мною.

Я полагал, что человек, говорящий так просто и прямодушно, заслуживает полного доверия. Само собою разумеется, что это оказалось справедливым. Я постоянно видел, что Некрасов держит себя относительно меня совершенно так, как обещал.

Когда Краевский увидел, что Некрасов считает меня полезным сотрудником, стал и сам считать меня таким. Это предсказание Некрасова сбылось; и дело пошло дальше тем самым ходом, как он предсказывал. Краевский стал говорить мне, что желал бы, чтоб я работал только для него: работы мне найдется достаточно и у него одного. Я отвечал ему, что мне не хотелось бы перестать работать для "Современника" и что я посоветуюсь с Некрасовым. Рассказал Некрасову о предложении Краевского и просил его совета. Он в ответ повторил мне прежние

свои замечания о скудости кассы и шаткости дел "Современника", о денежной надежности Краевского, прибавляя, что ему хотелось бы, чтоб я предпочел его Краевскому, но что советовать этого он не может; мне будет вернее держаться Краевского. Я не умел разобрать, как мне следует поступить. Было ясно, что Краевский поставит вопрос так, как предвидел Некрасов: "Если хотите оставаться моим сотрудником, откажитесь от сотрудничества у Некрасова". При безденежье и шаткости положения "Современника" благоразумие требовало последовать совету Некрасова. Но мне не хотелось этого. Я чувствовал привязанность к Некрасову и старался убедить себя, что не будет неблагоприятно смотреть на вопрос не с той точки зрения, на которую становится Некрасов, советуя мне предпочесть Краевскому ему. У него иной раз мало, иной раз вовсе нет денег. Но он все-таки не допустит меня слишком нуждаться: как, при безденежье, берет у Базунова или у какого-нибудь другого книгопродавца деньги для своих безотлагательных надобностей, так будет находить деньги и для моих. Он полагает, что ему недолго остается жить на свете. Это, вероятно, так. Но это лишь вероятность. А пока он жив, он не допустит меня нуждаться, это не вероятность, а достоверность. Потому не будет ли мне благоразумнее, наперекор его совету, держаться его? Краевский несколько раз возобновлял разговор о своем желании, чтоб я работал исключительно для него, и с каждым разом говорил настойчивее. Я по-прежнему отвечал ему, что посоветуюсь об этом с Некрасовым; говорил с Некрасовым снова и снова, и слышал от него все прежний совет: "Благоразумнее будет вам держаться Краевского". Наконец, Краевский сказал мне то, чего, как предсказывал Некрасов, да и сам я теперь понимал, следовало ожидать: "Вам нельзя участвовать вместе и в "Отечественных записках" и в "Современнике". Вам надобно выбрать между мною и Некрасовым". Я отвечал: "Почему ж нельзя мне участвовать вместе в обоих журналах? Участвуют же в них очень многие другие". -- "Это совсем не то, - сказал Краевский. - Другие, на которых вы ссылаетесь, кто они, чем участвуют они в журналах моем и Некрасова? Это поэты, беллетристы. Написал стихи или роман, отдал редактору, и только всего. Участия в редакционной работе они не принимают. Я не говорю с ними о делах моего журнала; Некрасов не говорит с ними о делах своего. Они посторонние журналам люди, и отношения между журналами не касаются их. Ваше положение не то. Вы пишете статьи в тех отделах журналов, которые составляют редакционную часть их; вы участвуете в редакционной работе. Я говорю с вами о делах моего журнала, Некрасов о делах своего. Вы по необходимости вмешаны в отношения между нами и нашими журналами. А эти отношения враждебны. Помогать вместе и мне и Некрасову - это неудобно. Ваше участие в редакционной работе и у меня и у Некрасова растет, и отношения, бывшие прежде только неудобными, становятся неудобными до невозможности. Нельзя долее откладывать решение. Чтобы быть сотрудником "Отечественных записок", вы должны отказаться от сотрудничества в "Современнике". Откажитесь". -- Я отвечал, что посоветуюсь с Некрасовым. Он, выслушав, чем мотивировал свое требование Краевский, сказал: "Теперь, когда вы услышали это от него, я скажу вам, что он прав. Ваше положение сотрудника в двух враждебных друг другу журналах неловко и подает повод к невыгодным для вас предположениям. Вы живете вне литературного круга и не знаете, что говорят о вас. Говорят, что вы пишете в "Современнике" против "Отечественных записок", в "Отечественных записках" против "Современника". Говорят, вы передаете мне редакционные тайны "Отечественных записок", а Краевскому редакционные тайны "Современника". Так это или нет, известно лишь мне относительно слуха, что вы предатель тайн Краевского, и ему относительно слуха, что вы предатель моих тайн ему. Ему известна правда об одной половине слуха, но о другой неизвестна. И мне тоже. Выдаете ли вы мне Краевского или нет, я знаю. Но выдаете ли вы Краевскому меня или нет, как могу я знать это? И он, почему может знать, что вы не выдаете его мне? Вы скажете, что я не опасюсь предательства от вас. Хорошо; но я и вообще не боюсь Краевского. А он боится меня; потому несправедливо было бы требовать, чтоб он пренебрегал слухом о том, что вы предатель. Он совершенно вправе находить невозможным, чтобы вы, участвуя в его журнале, оставались сотрудником моего". Я понял, что действительно хочу невозможного, желая убедить Краевского отказаться от его требования, и сказал Некрасову, что, убедившись теперь в необходимости сделать выбор между ним и Краевским, я откажусь от сотрудничества Краевскому. Он отвечал: "Не пришлось бы вам раскаиваться. Подумайте хорошенько". Я отправился к Краевскому и сказал, что, убедившись в основательности его требования, благодарю его за расположение, которое он постоянно оказывал мне, и прошу его принять без гнева мой отказ от сотрудничества ему. Он ждал противоположного и сказал это без утайки; не стал скрывать и того, что не может не осуждать моего решения, кажущегося ему неблагоприятным; но прибавил, что, бывши в самом деле расположен ко мне, останется, несмотря на досаду, которую я сделал ему своим неблагоприятным выбором, человеком, искренно желающим мне добра. Словом, он держал

себя при прощании со мною, как прилично человеку хорошего тона и, в сущности, не дурной души. Кстати замечу, что во все продолжение моего сотрудничества он был неизменно ласков и искренно доброжелателен ко мне, так что я не могу сказать о его отношении ко мне ничего, кроме хорошего; и насколько я знаю его - а я мог в то время узнать его довольно близко, - я знаю его за человека не дурного. Когда я пришел к Некрасову и сказал, что остался при своем решении и отказался от сотрудничества Краевскому, он отвечал: "Ну, когда дело сделано, то я скажу вам, что, быть может, вы и не будете иметь причины раскаиваться. Действительно, денежное положение мое плохо, но все-таки я думаю, что иметь дело со мною лучше, нежели с Краевским".

И, разумеется, я не имел причины раскаиваться. Об этом нечего и говорить; потому что, если б я не был доволен своими отношениями к Некрасову, что ж помешало бы мне, сделавшемуся через несколько времени человеком, пользующимся расположением публики, возвратиться к Краевскому? Он не отказал бы мне в хороших условиях сотрудничества. Нуждается ли эта моя уверенность в доказательствах. Вероятно, нет. Но если бы нуждалась, достаточно припомнить один из многих фактов, отнимающих возможность сомнения. Когда я начал писать для "Современника", самым важным и самым деятельным сотрудником по собственно журнальным отделам его был Дружинин. Этот бойкий журнальный работник любил мальтретировать тех, нападать на кого приходила ему охота; а охота полемизировать была у него чрезвычайно сильная. Главную цель своих нападений он избрал Краевского и восхищался тем, что постоянно раздражает его своими насмешками. Когда Некрасов говорил с людьми, близкими и ему и Краевскому, что вражда между "Современником" и "Отечественными записками" дело напрасное и что лучше бросить ее, Краевский возражал, что он не может примириться с "Современником", пока в этом журнале пишет Дружинин; если Некрасов перестанет позволять Дружинину нападать на него, этим он не может удовлетвориться; в наказание за обиды ему Дружинин должен быть выгнан из "Современника"; он не может допустить, чтобы такой дрянной забияка оставался терпим в литературе. Когда я стал писать исключительно для "Современника", я вытеснил из него Дружинина: я писал так много, что для Дружинина, писавшего быстро и много, не оставалось достаточно места; притом его литературные понятия были слишком различны от моих; и при моем возрастающем влиянии на общий тон журнальных отделов "Современника" Дружинин оказался непригодным для него по образу мыслей. Как только увидел, что ему надобно вовсе удалиться из "Современника", Дружинин предложил свое сотрудничество Краевскому и был принят им с распростертыми объятиями. Предположим - хоть и мудрено предположить, - что прежде я не знал, рад ли будет Краевский моему предложению вернуться к нему. После приема, сделанного им Дружинину, не могло не стать ясно для меня, что он будет очень рад мне. Ни в одной из статей "Современника", о которых возможно было ему думать, что они писаны мною, не было ничего обидного лично ему, ничего подобного нападениям на него, насмешкам над ним, которыми непрерывно раздражал его Дружинин. И вытеснивший Дружинина из "Современника" журналист несомненно должен был казаться сотрудником, приобрести которого будет для "Отечественных записок" гораздо важнее, чем было для них приобрести сотрудника, забракованного "Современником". Что же мешало бы мне возвратиться к Краевскому, если б я не был доволен отношениями Некрасова ко мне?

Нахожу надобным говорить об этом потому, что людям, не знавшим денежных расчетов между Некрасовым и мною, могло казаться совершенно противное тому, что было на деле. Меня знали как человека, не умеющего отстаивать свои денежные интересы; о Некрасове некоторые думали, что он способен охранять свои выгоды до нарушения справедливости. Разница между нами в этом отношении была не совсем та, какую можно было предполагать людям, не знавшим фактов. Во все продолжение моих деловых отношений к Некрасову не было ни одного денежного вопроса между нами, в котором он не согласился бы принять мое решение. И, кроме одного случая, он принимал мое решение без малейшего противоречия. Этот единственный случай денежного спора между нами был таков, что я сам считал себя неправым в своем требовании. Я и не возражал на доводы Некрасова; я только говорил, что остаюсь при своем требовании. И он, после длившегося часа три, тяжелого для нас обоих разговора, вполне принял мое решение. Дело в том, что я придумал это решение из желания успокоить болезненную мнительность Добролюбова (бывшего тогда за границу). Я жертвовал интересами Некрасова и Панаева, чтоб избавить Добролюбова от фантастических сомнений. За свои интересы Некрасов не стоял; он хотел только охранить интересы Панаева. И был совершенно прав, доказывая, что я требую нарушения их. Но я, ничего не возражая, не

принимал никаких резонансов, и, скрепя сердце, Некрасов пожертвовал мне интересами-- не своими: свои он с первого слова отдал на мой произвол - но интересами постороннего спору, беззащитного при покинутости Некрасовым, беспомощного и безответного Панаева. - Если доведу рассказ до того времени, к которому относится этот спор, изложу его с подробной точностью⁴.

II

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТНОШЕНИЯХ ТУРГЕНЕВА К ДОБРОЛЮБОВУ И О РАЗРЫВЕ ДРУЖБЫ МЕЖДУ ТУРГЕНЕВЫМ И НЕКРАСОВЫМ

О том, каковы были отношения Добролюбова к Тургеневу в первое время их знакомства, я не умею припомнить ничего положительного. Они должны были встречаться довольно часто у Некрасова. Вероятно, и мне случалось довольно нередко видеть их вместе у него. Но никаких определенных воспоминаний об этом у меня не осталось. Без сомнения, Добролюбову и мне случалось говорить что-нибудь о Тургеневе в наших частых, долгих разговорах вдвоем: одним из главных предметов их были дела "Современника", а Тургенев печатал тогда свои произведения еще в нем; едва ли возможно было нам не касаться иногда того романа или рассказа Тургенева, корректуру которого в дни разговоров приходилось читать мне или Добролюбову. Но, вероятно, в тогдашних разговорах наших о Тургеневе не было ничего особенно интересного Добролюбову; иначе они лучше сохранились бы в моей памяти, потому что мне приводилось бы и самому оживляться интересом к тому, что я говорил Добролюбову или слышал от него.

По всей вероятности, Добролюбов в это первое время своего личного знакомства с Тургеневым думал о нем как о человеке точно так же, как Некрасов: это хороший человек. Вероятно, талантливость и добродушие Тургенева заставляли и Добролюбова, как Некрасова и меня, закрывать глаза на те особенности его качеств, которые не могли быть симпатичными Добролюбову или мне.

Тургенев действительно был добродушен и в особенности всегда был рад оказывать любезную внимательность начинающим писателям. В начале моей журнальной деятельности испытывал это и я. И тогда, и впоследствии я постоянно видывал, что он таков же и со всеми другими начинающими писателями. Без сомнения, он был очень любезен и с Добролюбовым, но об этом я говорю лишь по соображению, а не по воспоминаниям.

Отношения между Добролюбовым и Тургеневым приняли совершенно иной характер, когда Добролюбов поселился в квартире, примыкавшей к квартире Панаева и Некрасова, и, обедая у них, стал проводить значительную часть своего времени отдыха у Некрасова. Это началось, вероятно, в 1857 году⁵. Переселение Добролюбова в квартиру рядом с квартирой Панаева и Некрасова произошло таким образом.

Добролюбов, человек с довольно большими практическими способностями в ведении тех дел, которыми интересовался, совершенно negliжировал своей житейской обстановкой, и потому она, насколько ее устройство зависело от его участия, всегда была очень неудовлетворительна.

По выходе из Педагогического института Добролюбов поселился на квартире, сырой и производившей неприятное впечатление своими мрачными стенами, штукатурка которых была старая, полуобвалившаяся, потускневшая, загрязненная. Меблировка (от хозяев) была очень скудная и дрянная, так что первая комната, служившая приемного, представляла вид амбара почти пустого. Мне не раз и не два случалось бывать у Добролюбова, но из моих посещений не выходило, разумеется, никакого результата для улучшения его житейской обстановки. Как только вздумалось Некрасову побывать у него, она изменилась. Некрасов проехал от него прямо ко мне и начал разговор прямо словами: "Я сейчас был у Добролюбова, я не воображал, как он живет. Так жить нельзя. Надобно приискать ему другую квартиру". За этим началом следовало продолжение, переполненное упреками мне за мою беззаботность о Добролюбове. "Положим, вы сам не умеете ни за что взяться, но хоть сказали бы вы мне". Особенно много огорчала Некрасова сырость квартиры Добролюбова. Он говорил, что при слабости здоровья

Добролюбов может сильно пострадать, если останется в такой обстановке. Вернувшись домой, Некрасов тотчас же поручил брату (Федору Алексеевичу) разыскивать квартиру для Добролюбова. Дал такое же поручение и своему слуге Василию. Когда я зашел к Некрасову, часа через два, через три после того, как он был у меня, он говорил уже о том, что затруднений с устройством сносной жизни для Добролюбова будет гораздо больше, нежели я могу воображать. Приискать порядочную квартиру и меблировать ее, разумеется, нетрудно, но это еще ничего не значит. Надобно устроить, чтобы у него и обед был хороший. Как быть с этим? Обедать каждый день в ресторане это скучно да некогда Добролюбову. Надобно приискать какого-нибудь добросовестного слугу, умеющего хорошо готовить. Это нелегко. Но как-нибудь устроится и это. Я ушел. Когда пришел к Некрасову на следующий день утром, услышал от него, что дело уладилось удобнее, чем можно было надеяться.

Панаев и Некрасов жили тогда уже на той квартире в доме Краевского, которую продолжали занимать столько лет потом. По черной лестнице этой квартиры, в том же этаже, было помещение из двух комнат с передней. Не умею теперь припомнить, были ли жильцы в этой небольшой квартире или она стояла пустая. Но так или иначе она была в запущенном состоянии. Слуга Некрасова, искаввши квартир по городу, вспомнил об этой и сказал Некрасову. Ее тотчас же начали поправлять {Если были на ней жильцы, то, разумеется, люди очень небогатые, и с радостью передали Некрасову квартиру, получив от него вознаграждение за согласие переселиться из нее. Кажется, именно так и было: квартира была куплена у прежних жильцов.}, и дня через два или три Некрасов уже мог переселить туда Добролюбова.

Поселившись тут, Добролюбов не имел своего особенного обеда; он обедал у Панаевых, вместе с которыми обедал Некрасов. А в те дни, когда Некрасов обедал особо от Панаевых на своей половине, Добролюбов обедал, как ему когда лучше нравилось, или с Некрасовым, или с Панаевым. Изредка ему случалась надобность обедать на своей квартире. Это бывало, например, когда у него гостил кто-нибудь из его приятелей, служивших в провинции и приезжавших побывать в Петербурге, если этому приятелю не хотелось обедать у Панаевых; или когда Добролюбову было недосуг оторваться надолго от работы на время обеда (обед у Панаевых был, разумеется, неторопливый; по окончании его обедавшие пили чай и долго оставались вместе). В таких случаях Добролюбову приносили обед от Панаевых. Пил чай вечером он очень часто на своей квартире или потому, что не хотел отрываться от работы, или потому, что у него был кто-нибудь. Но утром он обыкновенно приходил пить чай к Некрасову и, если имел досуг, оставался тут и завтракать. Вообще он проводил в комнатах Некрасова очень много времени, утром почти каждый день и вечером часто. Тут они вместе читали рукописи, просматривали корректуры, говорили о делах журнала; так что довольно большую долю своей работы по реди-жированию журнала Добролюбов исполнял в комнатах Некрасова.

Тургенев до своей ссоры с Некрасовым, когда жил в Петербурге, заезжал к Некрасову утром каждый день без исключения и проводил у него все время до поры, когда отправлялся делать свои великосветские визиты; с визитов обыкновенно возвращался опять к Некрасову; уезжал и опять приезжал к нему, очень часто оставался у Некрасова до обеда и обедал вместе с ним; в этих случаях просиживал у Некрасова после обеда до той поры, когда отправлялся в театр, или, если не ехал в театр, просиживал до поздней поры отправляться на великосветские вечера. Каждый раз, когда заезжал к Некрасову, он оставался тут все время, какое имел свободным от своих разъездов по аристократическим знакомым. Положительно, он жил больше у Некрасова, чем у себя дома. Таким образом, Тургеневу и Добролюбову приходилось бывать вместе у Некрасова много времени каждый день.

Та половина квартиры Панаева и Некрасова в доме Краевского, которую занимал Некрасов, состояла из двух комнат: зала и стальной. Была, кроме передней, еще одна комната, на ту нечего считать, потому что она служила только умывальной. В ней никогда никого не бывало, и даже мне случалось заходить в нее лишь тогда, когда надо было отмыть слишком запачканные чернилами руки. Вход в нее был из передней прямо. Из передней налево были двери в зал - это была очень большая комната. Двери из передней были с длинной стороны, противоположной окнам. В дальней налево поперечной стене зала были двери в спальную. Проснувшись, Некрасов очень долго оставался в постели; пил утренний чай в постели; если не было посетителей, то оставался в постели иногда и до самого завтрака. Он и читал рукописи и корректуры и писал, лежа в постели. Тургенев, конечно, не принадлежал к тем посетителям,

которые мешали Некрасову оставаться в ней. Одевшись к завтраку или иной раз и пораньше завтрака, Некрасов переходил в зал и после того вообще оставался уже в этой комнате. Тут вдоль всей стены, противоположной дверям в спальную (вдоль поперечной стены направо от дверей из передней), был турецкий диван, очень широкий и мягкий, а недалеко от дивана по соседству с окном стояла кушетка: Некрасову было так же удобно валяться на этой мебели в зале, как на постели в спальней, куда он, раз вышедши в зал, уходил только по каким-нибудь делам; например, для того, чтобы заняться работой без помехи от гостей, продолжавших и без него благодушествовать в зале, или для того, чтобы без помехи от них переговорить с кем-нибудь, уводимым туда для деловой беседы. Таким образом, вообще говоря, одна из двух комнат половины Некрасова оставалась пустою: пока Некрасов в спальней, там с ним те близкие знакомые, кого принимает он в спальней; переходит он в зал, переходят с ним туда и они. Мне, разумеется, очень часто была надобность оставлять Некрасова и его гостей в зале и уходить в спальную одному, чтобы работать там. Иногда делывал так и Добролюбов, если почему-нибудь не хотел переходить с работою в свои комнаты; но вообще даже я оставался в той комнате, где Некрасов. Тем больше надобно сказать это о Добролюбове: когда я должен был исполнять подвернувшуюся на квартире у Некрасова спешную работу, не имея времени уйти с нею домой, то я занимался ею один; мои работы были такие, в которых Некрасов не принимал участия. А доля Добролюбова в редактировании журнала относилась более всего к тому отделу, которым занимался и Некрасов, так что они любили работать вместе, советуясь между собою, помогая друг другу. Тургенев, разумеется, мог проводить время в той из комнат Некрасова, в какой хотел; он был тут свой человек, вполне свободный делать, как ему угодно и что ему угодно; но он бывал тут собственно для того, чтобы разговаривать с Некрасовым, и потому постоянно держался подле него. Некрасову часто случалось по деловой надобности уходить от Тургенева; Тургенев от Некрасова не отходил, кроме, разумеется, тех случаев, когда бывало много гостей и гости разделялись на группы.

Как держал себя Добролюбов относительно Тургенева в первое время после своего переселения к Некрасову, я не умею теперь припомнить и, вероятно, не замечал и не слышал тогда. Сам я этим не интересовался, а Добролюбов, вероятно, не находил надобности говорить со мною об этом: он не имел охоты быть экспансивным со мною относительно вещей неважных, да и некогда нам было толковать о том, что не представлялось занимательным ни ему, ни мне.

Итак, человек ненаблюдательный, я очень долго или не замечал ничего особенного в отношениях Добролюбова к Тургеневу, или если, может быть, иной раз и замечал, чего, впрочем, не полагаю, то оставлял без внимания эти, во всяком случае, маловажные для меня впечатления. Сколько времени длилось это, не умею определить годами и месяцами: но помню, что, когда Добролюбов писал свой разбор романа Тургенева "Накануне" и я читал эту статью в корректуре, у меня не было никаких мыслей о чем-нибудь особенном в отношениях между Добролюбовым и Тургеневым. Я полагал, что они такие же, как между Тургеневым и мною: горячей симпатии нет, но есть довольно хорошее взаимное расположение знакомых, не имеющих желания сблизиться, чуждых, однако ж, и всякому желанию расходиться между собою. Через несколько времени после того, как вышла книжка "Современника" с статьею Добролюбова о "Накануне", я, разговаривая с Тургеневым (у Некрасова, я с ним виделся в то время почти только у Некрасова), услышал от моего собеседника какие-то суждения о Добролюбове, звучавшие, казалось мне, чем-то враждебным. Тон был мягкий, как вообще у Тургенева, но сквозь комплиментов Добролюбому, которыми всегда пересыпал Тургенев свои разговоры со мною о нем, звучало, думалось мне, какое-то озлобление против него. Когда через несколько ли минут, или через час, через два остался я один с Некрасовым (не помню, ушли ли мы с ним в другую комнату привлекательном и достойном уважения виде; но мои доводы были отвергаемы Добролюбовым с непоколебимым равнодушием. По уверению Добролюбова, я говорил пустяки, о которых сам знаю, что они пустяки, потому что я думаю о Тургеневе точно так же, как он; Тургенев не может не быть скучен и неприятен и для меня. Если мне угодно не высказывать этого Тургеневу, я могу не высказывать, он не убеждает меня держать себя прямее и откровеннее. Но мне хорошо не уходить от разговоров с Тургеневым, потому что мы видимся сравнительно редко; а толковать с Тургеневым столько, сколько приходилось бы ему, нашел бы невыносимым и я. Нечего было делать, я отстал от внушения моих прекрасных чувств Добролюбому.

Своих мнений о Тургеневе я не имею надобности излагать здесь, поэтому довольно будет заметить, что Добролюбов казался мне совершенно справедливым в своих мнениях о нем. Если я не желал разрыва между ними и сам не выказывал Тургеневу, что желал бы уклоняться от разговоров с ним, у меня был на то мотив, не имевший ничего общего с приятностью или неприятностью, занимательностью или незанимательностью их для меня. Мне казалось полезным для литературы, чтобы писатели, способные более или менее сочувствовать хоть чему-нибудь честному, старались не иметь личных раздоров между собою. Добролюбов был об этом иного мнения. Ему казалось, что плохие союзники - не союзники.

Таким образом тянулись отношения между Добролюбовым и Тургеневым довольно долго: они беспрестанно встречались в комнатах Некрасова, обменивались словами "здравствуйте" и "прощайте", других разговоров между собою не имели, но посторонним людям могли казаться людьми, которые не имеют ничего друг против друга. Не умею теперь припомнить, чем прервались их свидания: отъездом ли Добролюбова за границу или ссорой Тургенева с Некрасовым;⁹ не помню, который из этих фактов предшествовал другому, но, во всяком случае, когда оставался другом Некрасов, Тургенев не мог открытым образом дать волю своему ожесточению против Добролюбова.

Из-за чего произошел разрыв между Некрасовым и Тургеневым, я не имею положительных сведений¹⁰, мне никогда не случалось спросить об этом у Некрасова, потому что я очень мало интересовался дружбой Тургенева с ним, а еще меньше того озлоблением Тургенева на него. А с очень давних пор без прямого моего вопроса Некрасов почти никогда не говорил ни о чем из своей личной жизни. При начале знакомства со мной он хотел иметь меня обыкновенным приятелем-собеседником., какими бывают у каждого хорошие его знакомые, и рассказывал мне о том интересном лично для него, что случалось ему припомнить по ходу разговора; деловой разговор прекращался, заменяясь обыкновенным приятельским. Но скоро Некрасов бросил это; не умею сказать, почему именно. Быть может, ему стало казаться, что я не интересуюсь ни его воспоминаниями о давнем, ни его личными радостями и печалью в настоящем. Быть может, на его экспансивность подавляющим образом действовала моя замкнутость: я в то время не любил говорить ни о чем, относящемся к моей внутренней жизни; по крайней мере, мне самому так казалось. Вероятно, и Некрасову казалось так. Если ему действительно казалось так, то понятно, что у человека такого умного, как он, скоро должно было исчезнуть влечение быть экспансивным с человеком, который не отвечает тем же. Разумеется, мне нравится выставлять эти причины, которые не бросают на меня дурной тени. Но могло быть и то, что я перестал казаться Некрасову человеком, с которым удобно говорить откровенно о делах, не представляющих ему заслуживающими серьезного симпатичного внимания. Я мог своими замечаниями на его рассказы шокировать его. Для ясности расскажу один случай этого рода, относящийся к очень позднему времени наших отношений. Мы сидели вдвоем у круглого стола в зале Некрасова; вероятно, он завтракал и я кстати ел что-нибудь; вероятно, так, иначе незачем было бы нам сидеть у этого стола. Я сидел так, что когда опирался локтем на стол, мне приходилось видеть камин. На камине стояла бронзовая фигура, изображавшая кабана. Хорошей ли работы она была или нет, и потому дорогой ли вещь была или дешевой, я никогда не интересовался знать; мне никогда не случалось и взглянуть на этого кабана сколько-нибудь пристально. Впрочем, а priori я был уверен: эта вещь хорошей работы; иначе не стояла бы тут. Произошла какая-то маленькая пауза в разговоре: по всей вероятности, Некрасов говорил что-нибудь и на эту минуту остановился, чтобы отодвинуть тарелку и взять другую. А мне в это время случилось повернуться боком к столу и опереться на него; подвернулся под глаза мне кабан, и я сказал: "А хороший кабан". Некрасов, которого редко видывал я взволнованным и почти никогда не видывал теряющим терпение, произнес задыхающимся голосом: "Ни от кого другого не стал бы я выносить таких оскорблений". Я совершенно невинным и потому спокойным тоном спросил его, что же обидного ему сказал я? - Он, уже снова овладев собой, терпеливо и мягко объяснил мне, что я множество раз колотил ему глаза замечаниями о том, что этот кабан хорош, и рассуждениями, что такие хорошие вещи стоят дорого; а так как эти мои соображения были вставками в разговоры о денежных делах между нами и неудовлетворительном положении кассы "Современника", то получался из них ясный смысл, что он тратит на свои прихоти слишком много денег, отнимая их у "Современника", то есть, главным образом, у меня. Я постиг в моих мыслях, что если бы пауза длилась еще несколько секунд, то я успел бы и произнести предположение о приблизительной цене кабана, и моему умственному взгляду явилась истина, что действительно рассуждения мои о кабане должны были по ходу наших разговоров очевиднейшим образом иметь тот самый

смысл, какой теперь нашел я в них при помощи Некрасова. Я произнес одобрение себе, вроде спокойного подтверждения истины: "Ну, так" или "А что же, так", - и, как ни в чем не бывало, повел разговор о том, о чем шла речь раньше. Хоть по этому ничтожному случаю легко сообразить, сколько любезности приводилось, по всей вероятности, находить Некрасову в моих замечаниях, делаемых по рассеянности безо всякого внимания к их смыслу для него. Само собой понятно, что не могла не остыть в нем охота рассказывать что-нибудь интимное о себе такому собеседнику, который вставлял в паузы рассказа совершенно посторонние делу замечания, отношения которых к предмету рассказа не замечал, потому что произносил их без всякого намерения, не придавая им никакого значения.

Не умею рассудить, достаточны ли эти соображения для объяснения тому, что Некрасов вскоре после начала моего знакомства с ним утратил влечение к интимным рассказам мне о своей личной жизни, или были ему даны моими неловкостями еще какие-нибудь мотивы, догадаться о которых не приходит мне в голову. Но факт в том, что после двух, трех вечеров вдвоем с ним у него, при самом начале знакомства, я уже не слышал от него рассказов о его личной жизни иначе, как по какой-нибудь очень серьезной надобности ему предоставить мне участие в его отношениях к какому-нибудь из людей очень близких или очень интересовавших его. Одним из таких случаев, например, было то странное недоразумение, для прекращения которого привелось мне, по желанию Некрасова и Добролюбова, проспать Германию от Любека до Рейна и Францию от Рейна до Парижа и так далее, и на обратном пути тоже всю сухопутную дорогу¹¹.

Итак, мне не случилось ни разу слышать от Некрасова ничего о причинах его разрыва с Тургеневым. Сам я теперь, принужденный припоминать и соображать, могу найти больше причин для этой ссоры, чем представлялось мне тогда, при отсутствии интереса вдумываться в нее. Очень может быть, что главными поводами были обстоятельства, в которых Некрасов не принимал никакого личного участия, но которые необходимо должны были, как я теперь вижу, раздражать Тургенева против него. Некоторые лица, очень близкие к Некрасову, навлекали на себя негодование Тургенева. Из них довольно назвать Добролюбова и меня. Об отношениях Добролюбова к Тургеневу было уже говорено. О моих нет надобности говорить здесь много. Я держал себя с Тургеневым сколько умел любезно, но он не мог не замечать, что, в сущности, я думаю о нем точно так же, как Добролюбов. Бывали случаи, когда я и прямо наносил обиду ему по необходимости избавить "Современник" от какого-нибудь рекомендуемого им произведения, которое, по моему мнению, не понравилось бы публике. Расскажу здесь для примера два таких случая.

Однажды Некрасов подал мне какую-то маленькую книжку, выражая желание, чтобы я прочел ее. Я развернул: это был один из томиков повестей Ауэрбаха; не помню заглавия, Шварцвальденские ли рассказы или что-нибудь другое: "Тургенев очень хвалит их и советует перевести в "Современнике"; особенно настаивает на том, что надобно перевести один из этих рассказов, на котором и вложена закладка". У меня с Некрасовым были уже раньше того разговоры об Ауэрбахе, которого я никогда не читывал, но достаточно знал по панегирикам, из которых видно было: он жеманник, пресный и скучный, и Некрасов помнил, что я находил этого автора не заслуживающим перевода в "Современнике", но что я судил так о нем, никогда его не читавши. Некрасов передавал это Тургеневу, и Тургенев был уверен, что, прочитав что-нибудь из Ауэрбаха, я переменею мнение о нем и что, в частности, тем рассказом, который отмечен в книжке, я буду восхищен. Я взял книжку и прочел отмеченный рассказ. Это была маленькая повесть "Bag-füssele". Она не понравилась мне. Других рассказов я и не пробовал читать. Я отдал книжку Некрасову и сказал, что ничего из нее переводить не стоит¹². Тургенев долго не отставал и много раз спорил со мною и был очень раздражен неуспехом, но эта неудача его хоть оставалась никому, кроме нас, не известной; а другой случай подобного рода произошел в присутствии многочисленного общества.

Раз в неделю у Некрасова бывали обеды, которые можно назвать редакционными. На них собирались литераторы, сотрудничеством которых дорожил журнал. Кроме них, постоянно бывал приглашаем цензор; бывали и кое-кто из числа светских людей, пользовавшихся любовью в кругу литераторов. Очень часто бывал Языков, которого так любил Белинский. Когда жили в Петербурге, часто бывали тут Лихачевы, родственники и друзья Панаевых, бывал Арапетов.

Выбор других людей, чуждых литературной деятельности, приглашенных раз навсегда бывать на этих обедах, был такой строгий с точки зрения их способности не уронить себя в глазах литераторов, что, например, ни один из однофамильцев Ив. Ив. Панаева никогда не бывал приглашаем на эти собрания. (Бедняжка цензор, конечно, играл тут, сам того не замечая, жалкую роль, и обыкновенно единственным усладителем его одиночества приятными разговорами являлся я; в исполнении этой роли и состоял для меня мотив бывать на этих обедах.) После обеда гости оставались тут, до какой поры кому было удобно. Первыми уезжавшими обыкновенно бывали те, которые отпраивались на этот вечер в театр. Другие, кому был досуг, оставались гораздо дольше.

И вот, после одного из таких обедов, когда общество расположилось, как кому удобнее, на турецком диване и другой уютной мебели, Некрасов пригласил всех выслушать чтение драмы Мея "Псковитянка", которую Тургенев предлагал ему напечатать в "Современнике"? Тургенев хочет прочесть ее. Все собрались в ту часть; залы, где расположился на диване Тургенев. Один я; остался там, где сидел, очень далеко от дивана, по соседству с тем камином, на котором стоял кабан. (Камин был в дальнем от окон углу стены, противоположной дивану.) Началось чтение. Прочитав первый акт, Тургенев остановился и спросил свою аудиторию, все ли разделяют его мнение, что драма Мея - высокое художественное произведение. Разумеется, по одному первому акту еще нельзя вполне оценить ее, но уже и в нем достаточно обнаруживается сильный талант и т. д., и т. д. Кто считал себя имеющим голос в решении таких вопросов, принялись хвалить первый акт и высказывать предвидение, что в целом драма окажется действительно высоким художественным произведением. Некрасов сказал, что предоставляет себе слушать, что будут говорить другие. Люди, не считавшие себя достаточно авторитетными для значительных ролей в литературном ареопаге, выражали свое сочувствие компетентной оценке скромным и кратким одобрением. Когда говор стал утихать, я сказал с своего места: "Иван Сергеевич, это скучная и совершенно бездарная вещь, печатать ее в "Современнике" не стоит". Тургенев стал защищать высказанное им прежде мнение, я разбирал его аргументы, так поговорили мы несколько минут. Он свернул и спрятал рукопись, сказав, что не будет продолжать чтение. Тем дело и кончилось¹³. Не помню, каким языком вел я спор. По всей вероятности, безобидным для Тургенева. О нем положительно помню, что он спорил со мною очень учтиво. Но понятно, что ему должно было быть очень досадно это маленькое приключение, разыгравшееся на глазах почти всех тех его литературных приятелей, которые жили в то время в Петербурге. Вообще, при моем вступлении в "Современник" Тургенев имел большое влияние по вопросам о том, какие стихотворения, повести или романы заслуживают быть напечатанными. Я почти вовсе не участвовал в редактировании этого отдела журнала, но было же много разговоров у Некрасова со мною и о поэтах и беллетристах. Находя в моих мнениях о них больше согласного с его собственными, чем во мнениях Тургенева, Некрасов, по всей вероятности, стал держаться тверже прежнего против рекомендации плохим романам или повестям со стороны Тургенева. А когда сблизился с Некрасовым Добролюбов, мнения Тургенева быстро перестали быть авторитетными для Некрасова. Потерять влияние на "Современник" не могло не быть неприятно Тургеневу. Надобно упомянуть и о другом, по всей вероятности, очень сильном мотиве расстройств дружбы между Тургеневым и Некрасовым. Излагать дело, из которого возник этот мотив, я не буду здесь. Оно слишком многосложно и длинно, так что, начав говорить о нем, я не скоро довел бы до конца ответ на вопрос, которым занимаюсь теперь. В коротких словах история была такого рода. Огарев должен был уплатить пятьдесят тысяч рублей жене, с которой разошелся. Взамен платы он предоставил в пользование ей часть своих поместий. Огарева умерла. Поместья должны были быть возвращены Огареву. Но управлявший поместьями, дальний родственник Ивана Ивановича, бестолковый плут, расстроивший свое, прежде довольно большое, состояние хитрыми, но глупыми спекуляциями, не желал возвращать поместья, да если б и хотел, то затруднился бы при запутанности своих дел. Дело усложнялось чрезвычайно запутанными расчетами о том, какие из долгов, лежавших на Огаревой, должны быть признаны Огаревым. Огарев и Герцен, у которого он жил тогда, вообразили, что плут, в управление которому были отданы поместья, был приискан в поверенные Огаревой Некрасовым и что он подставное лицо, которому Некрасов предоставил лишь маленькую долю выгоды от денежных операций, основанных на управлении имуществом Огаревой, а главную долю берет себе сам Некрасов. При уважении, каким пользовался тогда Герцен у всех просвещенных людей в России, громко высказываемое им обвинение Некрасова в денежном плутовстве ложилось очень тяжело на репутацию Некрасова. Истина могла бы быть достовернейшим образом узнана Герценом, если бы он захотел навести справки о ходе перемен в личных отношениях Некрасова за те годы, в которые

были делаемы г-жою Огаревой неприятные ее мужу распоряжения. Но Герцен имел неосторожность высказать свое мнение, не ознакомившись с фактами, узнать которые было бы легко, и тем отнял у себя нравственную свободу рассматривать дело с должным вниманием к фактам. Я полагаю, что истина об этом ряде не заслуженных Некрасовым обид известна теперь всем, оставшимся в живых приятелям Огарева и Герцена и всем ученым, занимающимся историей русской литературы того времени, потому считаю возможным не говорить ничего больше об этом жалком эпизоде жизни Огарева и соединенных с его странными поступками ошибках Герцена¹⁴.

Авторитет Герцена был тогда всемогущим над мнениями массы людей с обыкновенными либеральными тенденциями, то есть тенденциями смутными и шаткими. Тургенев ничем не выделялся в своем образе мыслей из толпы людей благонамеренных, но не имеющих силы ни ходить, ни стоять на своих ногах, вечно нуждающихся в поддержке и руководстве. Конечно, ему трудно было оставаться другом человека, которого чернит руководитель массы, к которой принадлежал он. Делает честь ему, что он долго не уступал своему влечению сообразоваться с мыслями Герцена и, подобно людям менее робким, более твердым, как, например, П. В. Анненков, оставался в прежних отношениях с Некрасовым. Но, разумеется, слишком долго не мог он выдерживать давления авторитета Герцена. И кончилось тем, что он поддался Герцену¹⁵.

К важным причинам, принуждавшим Тургенева разорвать дружбу с Некрасовым, должно было присоединиться множество влияний сравнительно мелких, но в своей совокупности действовавших сильно в том же направлении. К ним принадлежат, например, желания других журнальных кружков приобрести себе сотрудничество Тургенева.

Когда я говорил, что мне не были определительно известны причины разрыва Тургенева с Некрасовым и что я могу только угадывать их по соображению, у меня не было под руками ни одной книги для справок; но вчера я получил "Посмертное издание стихотворений Некрасова" (четыре тома 1879). Просматривая "примечания", помещенные во второй части четвертого тома, я нашел в них цитату из моей статьи ("Полемические красоты", напечатанной в No 6 "Современника" за 3861 год). - Вот это место, очевидно, служившее ответом на чьи-нибудь рассуждения о причинах разрыва Тургенева с "Современником", то есть по необходимости и с Некрасовым, - рассуждения, основанные на рассказах самого Тургенева и одобренные им, как это видно из того, что в моем ответе на них я обращаюсь к самому Тургеневу с приглашением возразить мне, если он имеет что-нибудь возразить: "Наш образ мыслей прояснился для г. Тургенева настолько, что он перестал одобрять его. Нам стало казаться, что последние повести г. Тургенева не так близко соответствуют нашему взгляду на вещи, как прежде, когда и его направление не было так ясно для нас, да и наши взгляды не были так ясны для него. Мы разошлись. Так ли? - Ссылаемся на самого г. Тургенева".

Из этого ясно, что я в то время находил себя вполне знающим все причины разрыва между Тургеневым и Некрасовым и что единственным, решившим дело, мотивом было враждебное отношение Тургенева к направлению "Современника", то есть на первом плане к статьям Добролюбова, а на втором и ко мне, имевшему неизменным правилом твердить в разговорах с нападавшими на статьи Добролюбова, что все его мысли справедливы и что все написанное им совершенно хорошо. Если я думал тогда, что знаю все, то, разумеется, были у меня положительные основания думать так. Очевидно, что я слышал и от Некрасова, и от самого Тургенева подобные разъяснения причин разрыва между ними, и ясно, что слышанное мною от них не оставило следов в моей памяти потому, что не представляло мне ровно ничего нового. Когда мы слышали только то, что уже сами знаем, мы забываем, что наши прежние сведения были повторены нам словами других. Так, например, вероятно, никто из нас не помнит, было ли ему рассказано кем-нибудь, что Пушкин великий поэт и что он умер от раны, полученной на дуэли; а, вероятно, у всех нас было много разговоров, в которых наши собеседники говорили нам об этом. Что мне было много случаев слышать от Некрасова объяснения причин ссоры между ним и Тургеневым, понятно само собой; но было много случаев и Тургеневу рассказывать мне об этом. Он никогда не переставал быть очень разговорчив со мной при наших встречах, а случаев встречаться нам было очень много после того, как мы перестали видеться у Некрасова. Не говоря о чем другом, надобно только припомнить, что Тургенев и я, мы оба были членами комитета "Общества пособия

нуждающимся литераторам и ученым" в первый год по основании этого Общества. Комитет собирался каждую неделю. Собирался он у Егора Петровича Ковалевского, который был председателем. До начала заседания долго шли всяческие серьезные и шуточные приятельские разговоры между всеми обо всем на свете; по окончании заседания они возобновлялись и очень часто тянулись долгие часы. Главным из серьезных собеседников в этом приятельском кружке был Тургенев. Я, постоянно повертывавший разговор в шуточное направление, говорил, я полагаю, еще гораздо больше, чем он. Вообще, мы с ним толковали, оставаясь в гостиной вместе со всеми другими; но часто уходили в зал продолжать только вдвоем разговор, начатый при других. Мог ли Тургенев после своей ссоры с Некрасовым излагать ее историю с своей точки зрения мне? По здравому смыслу, несомненно, что не мог. Но на деле этот резон не мог быть помехой ему. Я помню, что он жаловался мне на Добролюбова; тем легче было ему жаловаться мне на Некрасова. Каковы были мои отношения к Добролюбову, этого нельзя было не понимать и наивнейшему человеку в мире, видевшему нас вместе или хоть слышавшему, каким тоном я говорю о Добролюбове: людям, знавшим о наших отношениях несравненно меньше, чем Тургенев, было известно и вполне понятно, что жаловаться на Добролюбова мне несравненно бесполезнее, чем на самого меня; и, однако нее, Тургенев жаловался. Расскажу один такой случай.

Комитет, членами которого мы были, устраивал литературные чтения. Обыкновенным местом для них служил зал Пассажа. Тут, недалеко от одного из концов комнаты, был ряд колонн, по которым развешивался занавес, так что образовывался особый отдел вроде кабинета не очень широкого, но очень длинного. Тут и заседал заведовавший чтениями комитет. Эти заседания, занимавшиеся исключительно внешним порядком чтений, могли, разумеется, совершенно благополучно обходиться без моего участия в совещаниях. Я, бывая тут лишь по нелепой деликатности относительно моих сотоварищей, все время проводил в каких-нибудь своих особых занятиях: усевшись в дальнем углу, рассматривал соседний стул или ближайшие фигурки резьбы на каких-то шкафчиках каких-то витрин, стоявших вдоль стены, вообще проводил время не без пользы для обогащения своего ума познаниями. А если говорить серьезно, то обыкновенно читал корректуру. В грехе слушания того, что читалось публике, я никогда не был повинен. Естественно, всякий другой из членов комитета, усердно слушавший чтение сквозь занавес, когда желал развлечься от этой скуки, подходил ко мне, чтобы поболтать. Часто случалось это и с Тургеневым. И вот тут-то привелось мне однажды выслушать длинную иеремиаду его о том, как всегда обижал, теперь, после разрыва его с Некрасовым, еще больше обижает его Добролюбов¹⁶. Под конец он почувствовал, что элегический тон выходил слишком нелеп. Какого в самом деле утешения себе от меня мог ждать человек, жалующийся на Добролюбова? И в особенности человек, который сам знал, что я думаю о нем так же, как Добролюбов? Итак, Тургенев догадался, что он делает себя смешным; чтобы поправить свою репутацию в своем собственном мнении, обратил свое горе в шутку. Мы начали смеяться. Из тех шуток, которыми обменивались мы, осталась в памяти у меня одна острота Тургенева, которую тогда же я похвалил, чем очень порадовал его. И когда стали подходить к нам другие члены комитета, он повторял ее каждому из них, и я Каждый раз поддерживал его удовольствие одобрительным смехом. Вот эта острота с тем местоимением, какое было в ней сказано мне: "Вы простая змея, а Добролюбов очковая". Когда Тургенев пересказывал это другим, местоимение выходило, конечно, иное; именно так: "Я сказал ему, что он простая змея, а Добролюбов - очковая". Но другие стали подходить после, а пока мы с ним, посмеявшись этой остроте, продолжали разговор только вдвоем, он шуточно развивал совершенно серьезную тему, что со мной он может ужиться и даже имеет расположение ко мне, но что к Добролюбову у него не лежит сердце.

Если Тургенев имел наивность жаловаться мне на Добролюбова, то в тысячу раз легче было ему доходить в разговорах со мною до жалоб на Некрасова. Вижу из той цитаты, что я слышал их и вполне знал весь ход дела о разрыве Тургенева с Некрасовым, по рассказам самого Тургенева, - иначе я не мог бы ссылаться на него самого; и если теперь эти его рассказы совершенно исчезли из моей памяти, так что я и не предполагал их существования, то понятная вещь: это могло произойти лишь потому, что в них, когда я их слушал, не было ничего, кроме известного мне.

Открытым заявлением ненависти Тургенева к Добролюбову был, как известно, роман "Отцы и дети"¹⁷. Мне случилось читать, что Тургенев находил нужным печатать объяснения по

вопросу об отношениях этого романа к лицу Добролюбова; попадались на глаза и кое-какие отрывки из этих объяснений¹⁸. Но то были только отрывки; и не берусь по ним решать, удовлетворительны ли были объяснения, взятые все вместе. Мне самому случилось знать дело по рассказам лиц, дружных с Тургеневым. Важнейшее из того, что я слышал, - рассказ какого-то из общих приятелей Тургенева и г-жи Маркович о разговоре ее с Тургеневым. Она жила тогда за границей, где-то или в Италии, или во Франции; быть может, в Париже. Тургенев, живший в том же городе, зашел к ней. Она стала говорить ему, что он выбрал дурной способ отмстить Добролюбову за свои досады; он компрометирует себя, изобразив Добролюбова в злостной карикатуре. Она прибавляла, что он поступил, как трус: пока был жив Добролюбов, он не смел вступать с ним в борьбу перед публикой, а теперь, когда Добролюбов умер, чернит его.

Тургенев отвечал, что она совершенно ошибается, ему и в голову не приходило думать о Добролюбове, когда он изображал Базарова. Это, действительно, портрет действительного лица, но совершенно иного; это медик, которого он встречал в той провинции, где его поместье. Тургенев называл ей фамилию медика; лицо, пересказывавшее мне разговор, не помнило его. Мне кажется, будто бы я припоминаю, что этот медик, по словам Тургенева, занимал в то время должность уездного врача, но не ручаюсь за эту подробность моего воспоминания¹⁹.

Госпожа Маркович стала говорить, что напрасно Тургенев отрицает намерение мстить Добролюбову: из романа ясно, что он имел его. Тургенев сознался наконец, что действительно он желал мстить Добролюбову, когда писал свой роман <...>

Основываясь на фактах, известных мне о "Рудине", я полагаю, что справедливо было мнение публики, находившей в "Отцах и детях" намерение Тургенева говорить дурно о Добролюбове. Но я расположен думать, что и Тургенев не совершенно лицемерил, отрекаясь от приписываемых ему мыслей дать в лице Базарова портрет Добролюбова и утверждая, что подлинником этому портрету служил совершенно иной человек. Очень может быть, что и в самом деле он в Базарове изображал того провинциального медика, о котором говорил г-же Маркович (говорил впоследствии времени и многим другим; быть может, даже и заявлял что-нибудь такое в печати? мне кажется, будто бы я помню, что читал какой-то отрывок из какого-то объяснения, имевшего этот смысл; не умею, впрочем, разобрать, нет ли какой ошибки в этом моем воспоминании). Но если предположить, что публика была права, находя в "Отцах и детях" не только намерение чернить Добролюбова косвенными намеками, но и дать его портрет в лице Базарова, то я должен сказать, что сходства нет никакого, хотя б и карикатурного. У Рудина есть хоть то общее с Бакуниным, что оба они ораторы и оба, занимая у приятеля деньги, забывают отдавать. У Базарова нет, если не ошибаюсь, ни одной такой налочки, которая годилась бы в признаки, что он должен изображать собой Добролюбова. Разве одно: я слышал сейчас, что Базаров высок ростом; но я слышу это, как воспоминание лишь очень вероятное, а не вполне отчетливое и достоверное, сам я не помню ничего о наружности Базарова, Этого, вероятно, довольно об "Отцах и детях".

Хорошо помнится мне, что в одной из тех моих статей о Добролюбове, ряд которых должен был составить полный по возможности сборник бывших у меня под руками материалов для его биографии, употреблено мною очень суровое выражение, относившееся в моей мысли к двум лицам, из которых одним был Тургенев²⁰. Чем навлек он на себя этот приговор о его уме? - Написал ли он после "Отцов и детей" еще что-нибудь злобное о Добролюбове в какой-нибудь маленькой статье или заметке или вообще выразил каким-нибудь способом свою злобу против Добролюбова в месяцы более близкие, чем время появления "Отцов и детей", к тем дням, когда я писал эту статью? - Не умею припомнить и расположен думать, что ничего такого не было и что мое чувство было возбуждено не какой-нибудь недавней выходкой Тургенева, а лишь воспоминанием об "Отцах и детях"²¹.

Этим я закончу рассказ о том немногом, что помнится мне об отношениях между Добролюбовым и Тургеневым. Остается прибавить то, что я знаю о чувствах Некрасова к Тургеневу после разрыва между ними. Я не умею припомнить никаких отзывов моих о Тургеневе в разговорах с Некрасовым за это время. Но, разумеется, невозможно же, чтобы не случалось мне иногда говорить о нем что-нибудь Некрасову, и нет никакой возможности сомневаться, что каждый раз, когда я говорил Некрасову о Тургеневе, все было говорено тоном пренебрежения к Тургеневу и насмешки над ним. Зная свою манеру, не могу сомневаться в том,

что от насмешек над Тургеневым я переходил к сарказмам над Некрасовым за то, что он так долго был дружен с Тургеневым. Таким образом, он имел с моей стороны возбуждение говорить мне о Тургеневе как можно хуже, и, однако же, он всегда говорил о нем тоном человека, дорожащего воспоминаниями своей прежней дружбы и сохраняющего дружеское расположение к своему бывшему другу. Людям, мало знавшим Некрасова или наталкивавшимся на какие-нибудь угловатости его характера, он мог казаться человеком жестким; но если не всегда в своих поступках (надобно помнить, что он был человек с сильными страстями и сначала страдавший от безденежья, после того больной), то всегда в своих чувствах он был человек очень мягкий, чрезвычайно терпеливый, человек справедливый и великодушный.

Примечания

Н. Г. Чернышевский (1828--1889) теснейшими узами связан с жизненной и творческой судьбой Некрасова. С 1853 года он начинает печататься в "Современнике". В конце 1854 года, оставив сотрудничество в "Отечественных записках", Чернышевский переходит в журнал Некрасова и Панаева, где вскоре начинает в значительной мере определять направление журнала. Уже в 1856 году, отправляясь за границу, Некрасов оставляет его полновластным редактором "Современника". Дружески деловые отношения Чернышевского с Некрасовым перерастают постепенно в тесную душевную приязнь людей, близких по убеждениям и общему делу, одушевленных идеей быть полезными русскому обществу. "Нельзя его не любить, - пишет о Чернышевском Некрасов в 1861 году Добролюбову, - и вот что, репутация его растет не по дням, а по часам - ход ее напоминает Белинского, только в больших размерах" (X, 447). В 1863 году Некрасов опубликовал в "Современнике" роман "Что делать?" находящегося под следствием Чернышевского. В период его заключения в Петропавловской крепости и в годы ссылки Некрасов оказывал материальную помощь его семье. Ему посвящает он свое стихотворение: "Не говори: "Забыл он осторожность..." - одно из самых задушевных своих поэтических раздумий.

В свою очередь Чернышевский питал к Некрасову самую искреннюю и неизменную симпатию. Он высоко ценил его душевные качества, его оригинальный и смелый ум, сильную волю. В поэтическом даре Некрасова он уже в 50-е годы видел "прекрасную надежду" русской литературы, "талант первоклассный" (*Чернышевский*, т. XIV, 325, 315). С годами это убеждение окрепло. Чернышевский был один из немногих, кто еще при жизни Некрасова назвал его великим поэтом России.

В годы сибирского заточения Чернышевский остается, как и прежде, горячим поклонником поэзии Некрасова, с безграничным уважением говорит о его гражданском мужестве как редактора "Современника": "Только благодаря его великому уму, высокому благородству души и бестрепетной твердости характера я имел возможность писать, как я писал. Я хорошо служил своей родине и имею право на признательность се; но все мои заслуги перед нею - его заслуги" (*Чернышевский*, т. XV, 793). "Отечественные записки", издаваемые и редактируемые Некрасовым, которые Чернышевский получал в ссылке, продолжали поддерживать эту прочную его духовную связь с поэтом. В 1877 году, узнав о безнадежном состоянии Некрасова и о близкой и неотвратимой его смерти, Чернышевский, потрясенный этой вестью, шлет ему слова последнего привета в письме к А. Н. Пыпину от 14 августа 1877 года: "Скажи ему, что я горячо любил его как человека, что я благодарю его за его доброе расположение ко мне, что я целую его, что я убежден: его слава будет бессмертна, что вечна любовь России к нему, гениальнейшему и благороднейшему из всех русских поэтов" (*Чернышевский*, т. XV, 88).

Воспоминания Чернышевского освещают разные периоды жизни поэта. Здесь и первые впечатления, вынесенные Чернышевским из встреч с Некрасовым в начале 50-х годов, и рассказ о драматическом эпизоде раскола в "Современнике", события, которое послужило поводом для множества сбивчивых, а порой и откровенно предубежденных суждений о Некрасове. История этих воспоминаний, написанных почти одновременно, такова. В августе 1877 года Чернышевский получает в Виллюйске весть об умирающем Некрасове. "Последние песни", которые он читал и которые казались ему рожденными тяжелым душевным состоянием поэта, в действительности, как он узнал,-- отзвуки приближающейся трагической развязки. "О

Некрасове я рыдал,-- пишет Чернышевский, взволнованный рассказом о мучительном его угасании, А. Н. Пыпину,-- просто: рыдал по целым часам каждый день целый месяц, после того, как написал тебе о нем" (*Чернышевский*, т. XV, 150). В письмах Чернышевского этой поры появляются отдельные характеристики Некрасова, наброски воспоминаний об эпизодах из его жизни и его окружения. Пыпин поддержал это желание воскресить былое. В ноябре 1883 года, сообщая Чернышевскому о намерении довести свои занятия историей русской литературы до 50-х годов XIX века, он обращается к Чернышевскому с просьбой помочь заполнить своими воспоминаниями пробелы в его памяти: "Ты сделал бы мне теперь великое одолжение, если бы написал мне - когда будет охота, конечно, - свои воспоминания о 50-х годах... Некрасов, Тургенев и пр. уже принадлежат если не истории, то биографии; она теперь начинает интересоваться обществом" (Н. Г. Чернышевский, Литературное наследие, т. 3, М. --Л. 1930, стр. 540). В декабре 1883 года Чернышевский приступает к работе над своими воспоминаниями. Они должны были составить, по мысли автора, два раздела. Первый - о Некрасове, другой - "о всех остальных". Результатом этой работы оказались, однако, всего лишь "Воспоминания о Некрасове". Начав, по собственному признанию, со "второго отдела", Чернышевский закончил тем, что от* правил рукопись в печь и обратился к рассказу о своих встречах с Некрасовым. "Его я любил, - пишет Чернышевский А. Н. Пыпину. - Потому мои воспоминания о нем не будут, вероятно, действовать на тебя неприятным тебе образом" (*Чернышевский*, т. XV, 434). Рукопись первого фрагмента "Воспоминаний" была отправлена с письмом к А. Н. Пыпину 9 декабря 1883 года.

Чернышевский, очевидно, предполагал продолжать свои воспоминания о Некрасове, когда 20 декабря 1883 года отправлял А. Н. Пыпину второй фрагмент обещанной рукописи (см. заключительную фразу "Воспоминаний о Некрасове", стр. 140). Продолжения воспоминаний, однако, не последовало. Чернышевский, уже отправив этот текст, получает письмо А. Н. Пыпина от 24 декабря 1883 года, где его корреспондент, в ответ на его предложение присылать интересующие его вопросы, предлагает ему вопрос: "о деятельной роли Добролюбова в журнале" и "об отношениях его со старым кружком журнала". "Мне было бы очень любопытно иметь об этом более точные сведения, - пишет А. Н. Пыпин Чернышевскому,-- в частности, об его встречах и отношениях с Тургеневым" (Н. Г. Чернышевский, Литературное наследие, т. 3, М. --Л. 1930, стр. 542). Ответом на вопрос А. Н. Пыпина и явились "Воспоминания об отношениях Тургенева к Добролюбову и о разрыве дружбы между Тургеневым и Некрасовым". В письме к Ю. Пыпиной от 21 января 1884 года Чернышевский сообщает, что вместе с письмом отправил посылку для "передачи Сашеньке" - А. Н. Пыпину (*Чернышевский*, т. XV, 447). А. Н. Пыпин в этих действительно заботливых и трогательных отношениях с Чернышевским остается историком литературы, отлично отдающим себе отчет в том, какое значение для будущих исследований эпохи 50--60-х годов могут иметь воспоминания Чернышевского - крупнейшего из деятелей этой литературной поры, непосредственного участника многих событий в редакции "Современника", известных именно ему, пережитых некогда им самим и приобретающих в его изложении строгую доказательность, бесспорную достоверность.

Воспоминания Чернышевского - драгоценный источник для характеристики личности Некрасова. Они пишутся в то время, когда литература, посвященная Некрасову, полна очевидных кривотолков и достаточно поверхностных заключений. Чернышевский тогда и произносит свое "доброе слово" о нем, поэте и человеке. Он основывается исключительно на своих впечатлениях и предлагает нам не итог, а сам процесс работы своего сознания, само былое. Он восстанавливает факты, сопоставляет события, постигает их скрытый смысл. Время, однако, наложило свой отпечаток и на эти воспоминания: отдельные хронологические вехи порой смещаются; важнейшие события литературной эпохи в сознании автора трансформируются. Чернышевский, например, склонен преуменьшать свою роль в истории разрыва либеральной группы литераторов с "Современником", выдвигая на первый план, по своему обыкновению, Добролюбова; что касается Тургенева, то он не всегда в столь неприглядном свете рисовался автору воспоминаний: в середине 50-х годов он для него - "честнейший и благороднейший человек между всеми литераторами" (*Чернышевский*, т. XIV, 330).

Некоторая фрагментарность воспоминаний не лишает их глубины и значительности характеристик, касающихся и общих закономерностей литературного процесса, и роли в нем отдельных его участников.

Не идеализируя личности Некрасова, Чернышевский с большой душевной теплотой рисует в своих воспоминаниях образ человека, каким сохранила ему его память, - не лишенного слабостей, но сердечного и великодушного, пронизательного редактора, литературного деятеля, оказывавшего огромное влияние на сознание современников.

I. Печатается с сокращениями по изданию: Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. I, М. 1939, стр. 714--722, с проверкой по автографу: ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 219.

II. Печатается с сокращениями по изданию: Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. I, М. 1939, стр. 723--738, 740--741, с проверкой по автографу: ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 220. Текст воспоминаний записан под диктовку Н. Г. Чернышевского его сыном А. Н. Чернышевским. Рукопись несет следы сложной правки, возникавшей и по ходу рассказа и более поздней правки Н. Г. Чернышевского, когда он возвращался к уже законченной рукописи, уточняя некоторые детали, исключая кажущиеся излишними или неуместными фрагменты, обрабатывая текст рукописи стилистически.

¹ Стр. 129. Н. Г. Чернышевский с женой, О. С. Чернышевской, приехал в Петербург 13 мая 1853 г.

² Стр. 131. На последнем листе рукописи "Воспоминаний о Некрасове" более поздняя приписка Н. Г. Чернышевского: "Поправка к одной из страниц начала. В том месте, где я говорю о степени точности, с какою передаю первые слова Некрасова, я выражаюсь: "Этому разговору теперь двадцать девять лет"; не двадцать девять, а тридцать; разговор был не в 1854, а в 1853 году. Причина ошибки - арифметический недосмотр".

³ Стр. 133. Подобного же рода мнение Некрасова о И. И. Панаеве высказано им в письме к И. А. Панаеву от 28 декабря 1857 г. (X, 312). Подробнее о характере отношений Некрасова с И. И. Панаевым см. стр. 59.

⁴ Стр. 140. Разговор Н. Г. Чернышевского с Некрасовым касался Добролюбова, бывшего на излечении за границей. Чернышевский настаивал на включении его в число пайщиков журнала с отчислением ему определенного процента из годового дохода журнала. Некрасов уступил настояниям Чернышевского.

⁵ Стр. 141. Дата указана неточно. Переезд Добролюбова в квартиру рядом с квартирой Некрасова произошел в конце августа 1858 г. Первоначально Чернышевский написал: "Это началось или в 1857-м, или в 58 году" (ЦГАЛИ).

⁶ Стр. 146. См. прим. 17, 19, 21 к стр. 92--97. Тургенев был крайне недоволен статьей Добролюбова, его критикой концепции романа и характеров главных действующих лиц. Стремление Добролюбова показать несостоятельность дворянского либерализма на материале романов Тургенева создавало у последнего впечатление отрицания его писательского дарования.

⁷ Стр. 147. "Статей его я никогда не читал, - вспоминал Н. Г. Чернышевский 25 февраля 1878 г. - Я всегда только говорил Некрасову: "Все, что он написал, правда. И толковать об этом нечего" (*Чернышевский*, т. XV, 139). В первоначальной редакции текста настоящих воспоминаний Н. Г. Чернышевский писал: "Кстати замечу, что именно поэтому я с давнего времени и перестал находить надобность прочитывать то, что писал Добролюбов; я не находил бы возражать против его понятий, а если и приходилось ему касаться предметов, в которых мог он ошибаться относительно фактов, то он сам вперед указывал мне на эти места своих статей. Досуга читать то, что можно было оставить непрочитанным, я не имел" (ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 220, лл. 9--10).

⁸ Стр. 147. Н. Г. Чернышевский в 1886 г. осуществил первое посмертное издание сочинений Добролюбова в четырех томах. Замысел издания в связи с арестом Н. Г. Чернышевского не был полностью осуществлен, четвертый том был подписан к печати уже М. А. Антоновичем.

⁹ Стр. 148. Н. А. Добролюбов в мае 1860 г. выехал за границу, И. С. Тургенев еще раньше, в апреле, покинул Петербург. С Некрасовым И. С. Тургенев в последний раз, вероятно, мог видаться в марте - апреле 1860 г. в связи с участием в делах Литературного фонда; окончательно выяснять им свои отношения пришлось уже в письмах.

¹⁰ Стр. 148. Поводом для окончательного разрыва Тургенева с Некрасовым послужила статья самого Н. Г. Чернышевского "Собрание чудес, повести, заимствованные из мифологии. Соч. <...> Н. Готорна" (С, 1860, No 6), ошибочно принятая Тургеневым за статью Добролюбова. Он увидел в ней попытку обвинить его в том, что из Рудина им преднамеренно была сделана карикатура, чтобы понравиться своим "богатым литературным друзьям, в глазах которых всякий бедняк мерзавец" (*Тургенев, Письма*, т. IV, стр. 137). В статье Н. Г. Чернышевского, однако, речь шла о "благоразумных советниках", оказавших недобрую услугу автору своими рекомендациями, и о самой авторской позиции, о "слепом предубеждении автора", вместо высокого трагического характера рисующего "карикатуру" (прообразом Рудина многие считали М. Бакунина). Возможно, что Тургенев мог принять на свой счет также критику искусственности, многословия авторских описаний, упрек в "милом, изящном пустословии наших русских беллетристов" (*Чернышевский*, т. VII, стр. 440--453). Тургенев реагировал на статью отказом от сотрудничества в "Современнике", посланном И. И. Панаеву (*Тургенев, Письма*, т. IV, стр. 139).

¹¹ Стр. 151. Н. Г. Чернышевский имеет в виду свою поездку в 1859 г. в Лондон для переговоров с Герценом.

¹² Стр. 152. Речь идет о "Шварцвальдских деревенских рассказах" немецкого писателя Бертольда Ауэрбаха (Чернышевский прочел рассказ "Босоножка"). Тургенев высоко ценил в творчестве Бертольда Ауэрбаха обращение к народной жизни, к "сути" народных характеров и нравов, считал, что "честь почина" в этом отношении в литературе эпохи 40-х годов принадлежит этому писателю (см. предисловие Тургенева к роману Б. Ауэрбаха "Дача на Рейне"). Чернышевский, по-видимому, не мог принять свойственную Ауэрбаху известную идилличность, сглаженность социальных конфликтов; переводы произведений Ауэрбаха в "Современнике" не печатались.

¹³ Стр. 153. "Псковитянка" Л. Мея, отвергнутая редакцией "Современника", была опубликована в ОЗ, 1860, No 2.

¹⁴ Стр. 155. Герцен ошибочно считал Некрасова непосредственным и едва ли не главным участником в "деле Огарева" и отказался принять его в июле 1857 г. во время пребывания Некрасова в Лондоне. Между тем в сомнительных денежных операциях Н. С. Шаншиева (управляющий имениями М. Л. Огаревой, дальний родственник И. И. Панаева) и А. Я. Панаевой Некрасов не принимал никакого участия. Спасая честь А. Я. Панаевой, жертвуя своей репутацией, он прикрывал ее, по его же словам, "в ужасном деле по продаже имения Огарева" (X, 365). Некрасов способствовал тому, чтобы заключить мировой сделкой процесс, возбужденный Н. П. Огаревым после смерти жены, и возместил из кассы "Современника" значительную сумму Н. П. Огареву (см. X, 432). Говоря о "ходе перемен в личных отношениях Некрасова", Чернышевский имеет в виду отношения Некрасова и Панаевой в 50-х годах, которые он близко наблюдал и которые, по его мнению, исключали уже возможность прежнего влияния Некрасова на Панаеву. Подробнее о характере их отношений Чернышевский писал Пыпину 25 февраля 1878 г. (*Чернышевский*, т. XV, стр. 143--146). Наблюдения Чернышевского подтверждаются признанием самого Некрасова в письме к Тургеневу от 26 мая (7 июня) 1857 г.: "Ты лучше других можешь знать, что я тут столько же виноват и причастен, как ты, например. Если вина моя в том, что я не употребил моего влияния, то прежде надо бы знать, имел ли я его - особенно тогда, когда это дело разрешалось. Если оно и могло быть, то гораздо прежде" (X, 340). Фрагмент рукописи "Воспоминаний" Чернышевского, связанный с характеристикой отношений Огарева, Герцена и Некрасова, несет следы сложной авторской правки; этот эпизод воспоминаний давался автору с особым трудом (*ЦГАЛИ*, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 220, лл. 18--19). Однако, несмотря на крайне запутанные денежные расчеты и отношения Н. П. Огарева с М. Л. Огаревой и ее доверенными лицами, Чернышевский достаточно точно воспроизводит факт ты "дела Огарева" (ср.: Я. З. Черняк, Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве, "Academia", 1933).

¹⁵ Стр. 155. Чернышевский преувеличивает роль Герцена в разрыве Тургенева с Некрасовым. Однако подобное мнение, по-видимому, разделялось многими. Ср.: Д. В. Григорович, Литературные воспоминания, М. 1961, стр. 153.

¹⁶ Стр. 158. Здесь неточность. Встреча Чернышевского с Тургеневым, о которой идет речь, состоялась 10 января 1860 г., то есть до решительного его разрыва с Некрасовым. В статье "В изъявление признательности" Чернышевский писал о том, что она произошла на первом литературном чтении, организованном Литературным фондом (*Чернышевский*, т. X, стр. 122), то есть 10 января 1860 г.

¹⁷ Стр. 158. Чернышевский повторяет здесь широко распространенную тогда версию о том, что прообразом Базарова является Добролюбов (напр., Ю. Жуковский писал, что Тургенев "в отместку критику сочинил пасквиль на Добролюбова и, изобразив его в лице Базарова, назвал нигилистом". - С, 1865, No 8, стр. 316). Эта версия опровергается и самим Тургеневым, и современными историко-литературными изысканиями.

¹⁸ Стр. 159. По-видимому, речь идет о статье Тургенева "По поводу "Отцов и детей", опубликованной в 1869 г. как заключительная часть его "Литературных воспоминаний".

¹⁹ Стр. 159. Чернышевский восстанавливает факты, известные со слов автора романа "Отцы и дети": "В основании главной фигуры, Базарова, - писал Тургенев в статье "По поводу "Отцов и детей", - легла одна поразившая меня личность молодого провинциального врача. (Он умер незадолго до 1860 года.) В этом замечательном человеке воплотилось - на мои глаза - то едва народившееся, еще бродившее начало, которое потом получило название нигилизма" (*Тургенев*, Сочинения, т. XIV, стр. 97).

²⁰ Стр. 160. Другим, не названным по имени лицом, был Герцен. Чернышевский вспоминает здесь то место из "Материалов для биографии Н. А. Добролюбова" (С, 1862, No 1), раздраженное и резкое по своему тону, где он называет "тупоумными глупцами" и "пошляками" людей, осмеливающихся говорить о Добролюбове как о "человеке без души и сердца" (*Чернышевский*, т. X, стр. 35--36). То, что Чернышевский имел в виду именно Герцена, подтверждается его показаниями на следствии, где он ссылается на этот фрагмент "Материалов для биографии Н. А. Добролюбова" для выяснения характера своих отношений с Герценом (*Чернышевский*, т. XIV, стр. 735).

²¹ Стр. 160. Здесь допущена очевидная неточность. Роман Тургенева был опубликован (*РВ*, 1862, No 2) после того, как "Материалы для биографии Н. А. Добролюбова" появились в печати (С, 1862, No 1). Следовательно, Чернышевский не мог читать "Отцов и детей", работая над тем фрагментом из "Материалов для биографии", о котором он говорит.